НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ROSSICA INEDITA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Семейная драма XVIII столетия

Дело Александры Воейковой

Составитель
и научный редактор
Александр Каменский

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2025

УДК 929
ББК 63.2
С30

https://elibrary.ru/mrbbws

Издание подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Серия основана в 2018 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:
доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Департамента истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге *Евгений Анисимов*; доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Александр Каменский*; PhD, доцент Университета ШанхайТех (Шанхай, Китай) *Игорь Федюкин*

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:
Игорь Федюкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук *Елена Смилянская*;
доктор исторических наук *Ольга Тогоева*

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА К ПУБЛИКАЦИИ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ:
Александр Каменский

СОСТАВИТЕЛЬ И НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр Каменский

ДИЗАЙН СЕРИИ: ABCdesign

В оформлении обложки использован герб рода Воейковых. Автор неизвестен. 1798 г. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Woejkov_2-90.jpeg.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
http://id.hse.ru

doi:10.17323/978-5-7598-4175-3

ISBN 978-5-7598-4175-3 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-4244-6 (e-book)

© Составление, научная статья, составление указателя.
Каменский А.Б., 2025

Оглавление

7 От редактора
8 Список сокращений

9 *Александр Каменский.* Драма с прелюдией, завязкой, развязкой и финалом
10 Прелюдия
13 Завязка: занавес поднимается
17 Развязка
18 Финал: занавес опускается
23 За кулисами

29 Дело Александры Воейковой
30 № 1. Прошение Александры Игнатьевны Воейковой императрице Екатерине II
101 № 2. Конверт
102 № 3. Второе прошение Александры Игнатьевны Воейковой императрице Екатерине II
136 № 4. Копия письма В. Чагина И.А. Глебову, 4 октября 1787 г.
138 № 5. Копия письма Г. Бурцова А.И. Воейковой
139 № 6. Копия записки И.И. Шильта А.И. Воейковой
140 № 7. Показания, данные А.И. Воейковой в Тайной экспедиции, 17 апреля 1789 г.
142 № 8. Копия со справки о деле А.И. Воейковой, полученной в Правительствующем Сенате по запросу Екатерины II, апрель 1789 г.
146 № 9. Копия приказа генерал-прокурора Сената кн. А.А. Вяземского, 17 апреля 1789 г.
150 № 10. Объявление А.И. Воейковой приговора, 24 апреля 1789 г.
151 № 11. Черновик письма А.А. Вяземского П.Д. Еропкину, 24 апреля 1789 г.

153 № 12. Черновик письма А.А. Вяземского П.Д. Еропкину, апрель 1789 г.
154 № 13. Письмо П.Д. Еропкина А.А. Вяземскому, 30 апреля 1789 г.
155 № 14. Письмо П.Д. Еропкина А.А. Вяземскому, 30 апреля 1789 г.
156 № 15. Письмо П.Д. Еропкина А.А. Вяземскому, 7 мая 1789 г.
158 № 16. Приказ А.А. Вяземского курьеру Д. Горину, [28] апреля 1789 г.
159 № 17. Подорожная курьера Д. Горина, 28 апреля 1789 г.
160 № 18. Письмо А.М. Кологривова А.А. Вяземскому, 18 мая 1789 г.
161 № 19. Письмо А.М. Кологривова А.А. Вяземскому, 18 мая 1789 г.
162 № 20. Письмо А.И. Воейковой С.И. Шешковскому, [июнь 1789 г.?]
165 № 21. Письмо А.И. Воейковой А.А. Вяземскому, 22 июня 1789 г.
168 № 22. Черновик письма А.Б. Куракина М.И. Коваленскому, 13 декабря 1796 г.
169 № 23. Письмо М.И. Коваленского А.Б. Куракину, 24 декабря 1796 г.

170 Аннотированный именной указатель

От редактора

В этой книге публикуются документы дела 2749 из фонда Тайной экспедиции Правительствующего Сената (хранится в РГАДА). Его основу составляют два прошения на имя императрицы Екатерины II от жены отставного капитана Александры Игнатьевны Воейковой, в которых она подробно излагает историю своей семейной жизни, конфликта с мужем и своих бесплодных попыток конфликт урегулировать. Принадлежность Воейковых к аристократическим кругам России второй половины XVIII в., наряду с вовлеченностью в их семейные неурядицы высших должностных лиц империи, делает публикуемые документы (помимо прошений Воейковой в книгу включены переписка чиновников и формальные решения по делу) интереснейшим источником сведений о нравах, характере взаимоотношений, механизмах принятия решений и представлениях о правосудии, характерных для этой среды.

Оба прошения Воейковой написаны одним и тем же четким, разборчивым почерком и одними и теми же чернилами. Однако во втором прошении отдельные буквы и слова обведены более темными чернилами — вероятно, потому, что светлые чернила заканчивались и текст выглядел бледно. За прошедшие два с лишним века он стал еще бледнее, и из-за этого при подготовке публикации не удалось прочитать два слова, которые обведены не были. Темными же чернилами написаны последние несколько строк второго прошения, причем, судя по всему, уже после того, как внизу листа Воейкова поставила на прошении свою подпись.

Скорее всего она все же нашла кого-то, кто переписал ее прошения, и мы имеем дело с почерком переписчика. При большом объеме текста он неизбежно допускал описки, ошибки, различное написание одних и тех же слов. Так, к примеру, слово «если» встречается в прошениях в двух вариантах написания — «если» и «естли». Фамилия «Чагин» встречается и в написании «Чаген»: возможно, это связано с тем, что и сами носители этой фамилии в XVIII в. писали ее по-разному. Не исключено также, что

переписчик неверно прочитал или пропустил отдельные слова, из-за чего в некоторых пространных предложениях трудно уловить смысл.

В настоящую публикацию включены все документы дела 2749, за исключением находящегося на л. 23–30 экстракта, то есть краткого изложения, прошений Воейковой и приложенных к нему писем, а также экстракта публикуемого целиком письма А.А. Вяземского П.Д. Еропкину (л. 58–58 об.). В тексте приказа Вяземского при публикации опущен пересказ дела, повторяющий предыдущие документы. На л. 28 об. упоминается, что конверт, пронумерованный в деле как л. 1, относится ко второму прошению. Также письмо А.И. Воейковой С.И. Шешковскому помещено в деле после письма Вяземскому, хотя из текста видно, что оно написано раньше. При публикации восстановлен хронологический порядок документов.

Тексты публикуются в соответствии с правилами издания документов XVIII в.: сохраняются орфография подлинника, стилистические и фонетические особенности. Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на предложения и абзацы приводится в соответствии с современными правилами орфографии. Знаки препинания расставлены по современным правилам, исправлены и оговорены очевидные описки. Квадратными скобками обозначается текст, вносимый публикатором: раскрытые сокращения, пропущенные слова и отдельные буквы. Выносные буквы вносятся в строку без выделения.

Александр Каменский

Список сокращений

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

СЗРИ — Свод законов Российской империи.

Драма с прелюдией, завязкой, развязкой и финалом

Александр Каменский

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Л.Н. Толстой

Прелюдия

Шестая глава моей вышедшей в 2022 г. книги «Любовь, страсть и отчаяние — русские преступления XVIII века» начинается с рассказа о браке Федора Воейкова и Александры Поливановой — молодых людей, венчавшихся в Москве в 1769 г. И хотя в архивных документах, на которых основан этот рассказ, ничего не говорится о чувствах молодых супругов, сам он предстает как история романтической любви, победившей возникшие на ее пути препятствия. Однако когда книга уже была в типографии и внести в нее какие-либо изменения было невозможно, обнаружились новые документы со сведениями о том, как в действительности сложилась семейная жизнь четы Воейковых. Содержание этих документов дополняет наши представления об институте брака и гендерной истории России XVIII в., которым посвящен ряд исследований последних лет, но выходит далеко за пределы истории одной дворянской семьи, проливая свет на механизмы функционирования родственных, патрон-клиентских, формальных и неформальных связей в высших слоях российского дворянства второй половины XVIII в. Это также интереснейший источник для изучения нравов той эпохи. Однако прежде чем познакомить читателя с документами, имеет смысл вспомнить уже опубликованный сюжет — как пролог к последующим событиям. Воспроизвожу его с небольшой купюрой так, как опубликовано в книге.

В октябре 1770 г. Юстиц-коллегия получила промеморию из Московской духовной консистории, в которой сообщалось, что в нее обратился с челобитной надворный советник Александр Матвеевич Воейков, возмущенный поступком своего сына Федора, вице-вахмистра лейб-гвардии Конного полка. В августе предшествующего 1769 г. Федор, якобы выдавая себя за казанского помещика и жителя Москвы (отец утверждал, что никаких имений в Казанской губернии ни у него, ни у сына нет), без родительского благословения и в отсутствие отца женился на девице Александре, дочери покойного капитана Игнатия Ивановича Поливанова. Причем венчание имело место не где-нибудь, а в Казанском соборе на Красной площади. Свидетелями молодоженов были родственники невесты — ее дядя и брат — майоры Гаврила

и Евграф Поливановы, а также ротмистр Георгий Дукович и поручик Дмитрий Кахов. Разгневанный Воейков-старший требовал признать брак сына недействительным, а консистория, в свою очередь, просила коллегию разыскать и допросить злодеев.

Юстиц-коллегия немедленно приняла дело к рассмотрению и велела одному из своих чиновников его зарегистрировать, подготовить выписки из соответствующих законов и доложить. Усердный чиновник все исполнил — зарегистрировал, сделал выписки и доложил. Правда, с небольшой задержкой. Доклад последовал лишь шесть лет спустя — в 1776 г.! По-видимому, опасаясь начетов за столь долгое бездействие, коллегия тут же рьяно взялась за дело. Подозреваемые были объявлены во всероссийский розыск и во все губернские и воеводские канцелярии империи были посланы указы об их поимке. На протяжении всего следующего года с мест исправно рапортовали сперва о получении указа, а затем о том, что трижды, но тщетно публиковали (то есть объявляли) призывы к населению вверенных им территорий выдать скрывшихся преступников. В Московскую консисторию, которая, судя по всему, также все эти годы о деле Воейковых не вспоминала, ушло заверение в том, что коллегия не дремлет, а трудится в поте лица. Наконец, удалось установить, что свидетель венчания Дукович, к этому времени уже поручик в отставке, служит смотрителем в Елисаветградской провинции, а другой свидетель Кахов — в чине капитана — в Македонском гусарском полку. Коллегия немедленно послала в канцелярию этого полка «вопросные пункты», по которым следовало опросить капитана, но оттуда последовал ответ, что в настоящий момент Кахов находится в командировке в Москве в Криг-комиссариате. Однако там его тоже не оказалось, и где он, чиновникам Криг-комиссариата было неизвестно. Пока депеши ходили по просторам империи, Кахов, видимо, вернулся к полку, и его удалось допросить. Он оказался ветераном Семилетней войны и Крымского похода, побывавшим в плену у неприятеля и раненым на поле боя[1]*. Эпизод почти десятилетней давности он помнил смутно, но утверждал, что поверил на слово родственникам невесты, познакомившим его с женихом. На календаре был уже 1778 г., и не успела Юстиц-коллегия сообщить эти ценные сведения консистории, как в мае оттуда прибыла новая промемория. В ней сообщалось, что служащим духовного ведомства удалось побеседовать с чудесным образом обнаруженными Федором (уже прапорщиком) и Александрой Воейковыми и те сообщили, что в действительности*

[1] По сведениям, сообщенным Д.А. Сдвижковым, Дмитрий (Дмитрей) Егорович Кахов (Кахишвили) (ок. 1737–?) — гусар (1752), прапорщик (1758) Грузинского гусарского полка, попал в плен при Цорндорфе, вернулся «по картелю об обмене».

отец жениха, уезжая восемь лет назад из Москвы, сперва дал согласие на их брак, но потом передумал, ибо «возымел на него [Федора] гнев свой за доставшияся ему от покойной бабки ево Катерины Гавриловой Милославской вотчины и подал то прошение». Посоветовавшись с вышестоящим начальством в лице митрополита Платона, консистория признала брак законным. Коллегия облегченно вздохнула и сдала дело в архив[2].

Надо заметить, что, согласно родословной Воейковых, надворный советник Александр Матвеевич скончался в 1777 г. (похоронен в Донском монастыре в Москве) и, значит, подтвердить или опровергнуть показания сына и невестки, данные ими в консистории в 1778 г., уже не мог. Также обращает на себя внимание, что уже 22 января 1770 г., то есть не позднее шести месяцев после венчания, у молодоженов родилась дочь Наталья, что заставляет предположить, что Александра пошла под венец будучи, как выражались в XVIII в., «непраздна», именно это обстоятельство заставило поспешить со свадьбой, и вряд ли А.М. Воейков, требуя расторжения брака, не знал о существовании внучки.

Не оставивший, по-видимому, заметного следа в истории надворный советник Александр Матвеевич Воейков имел брата Федора (1703–1778) — генерал-аншефа, последнего губернатора оккупированной русскими войсками во время Семилетней войны Восточной Пруссии, а позднее генерал-губернатора Новороссии, а также сестру Марию (ок. 1724 — после 1757), которая была первой женой деда А.С. Пушкина Льва Александровича[3]*. Отец Александры Поливановой Игнатий Иванович, умерший примерно в 1766 г., был сперва «пажом при дворе, откуда в 1732 г. поступил в Сухопутный кадетский корпус, но за "непонятием наук", в том же году отправлен в Военную коллегию, определен в Ярославский (?) пехотный полк» и, как мы видели, дослужился лишь до звания капитана*[4]*. Его сын Евграф, свидетель на свадьбе сестры, в 1770 г. вышел в отставку в звании секунд-майора. Но у Александры Поливановой было еще двое братьев — Иван (1740–1786), впоследствии генерал-поручик, рязанский и саратовский наместник, и Юрий*

[2] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 13671. Л. 1–114. Как и в других подобных случаях, очевидно, что документы дела не отражают всего, что происходило за стенами Юстиц-коллегии и консистории. Скорее всего чете Воейковых стало известно, что их разыскивают, и они сами явились в консисторию, чтобы объясниться.

[3] Материалы родословия Воейковых см.: https://br.rodovid.org/wk/Dibar:Tree/356416; http://www.rgfond.ru/person/41740.

[4] Об Игнатии Поливанове см.: https://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8.%D1%87?fbclid=IwARofnIUGAvvBqbAUExLgJ8YlnsVRctsKoHOrGFP6ogscoYrvOits70QIsfw. За указание на эти сведения благодарю О.Е. Глаголеву.

(1751–1813), генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и Отечественной войны 1812 г. В 1760-е годы и Иван, и Юрий Поливановы служили в том же лейб-гвардии Конном полку, где служил Федор Воейков, и, возможно, именно через них состоялось его знакомство с будущей супругой. Что же касается другого свидетеля венчания, Гавриила Ивановича Поливанова, также вышедшего в 1770 г. в отставку в чине премьер-майора, то он, как и Кахов, был ветераном Семилетней войны, и, вероятно, именно ему последний и доверился[5]*. Женой Александра Матвеевича и матерью Федора Воейкова была княжна Наталья Алексеевна Милославская, и, соответственно, имение (возможно, в Казанской губернии) он получил в наследство от бабки по матери и, вероятно, в честь матери назвал и старшую дочь. Сам же Федор родился в 1748 г.*[6] *и, значит, женился в 21 год. Наконец, нельзя не упомянуть, что, когда в мае 1778 г. супруги давали показания в Московской духовной консистории, Воейкова носила под сердцем сына Александра (1778–1839), будущего известного поэта и переводчика, приятеля В.А. Жуковского и братьев Андрея и Александра Тургеневых, появившегося на свет 30 августа того же года. Кстати, то обстоятельство, что его нарекли Александром — возможно, в честь недавно умершего деда, — косвенно указывает, что отец с сыном к этому времени уже помирились*[7]*.*

Завязка: занавес поднимается

Вновь обнаруженные и публикуемые ниже документы составляют дело 2749 описи 1 фонда 7 Российского государственного архива древних актов[8]: это дело представляет собой коллекцию документов высших правительственных учреждений России XVIII в., занимавшихся расследованием политических преступлений, — Преображенского приказа, Канцелярии тайных и розыскных дел и Тайной экспедиции Правительствующего Сената. На первый взгляд обнаружение документов именно в этом архивном фонде может показаться странным, поскольку речь в них идет о сугубо семейном конфликте и ничего политического, того, что

5 См.: *Ровенский Г.В.* Род дворян Поливановых // https://www.bogorodsk-noginsk.ru/rodoslovie/polivanov.html.

6 По другим сведениям — в 1747 г.

7 *Каменский А.Б.* Любовь, страсть и отчаяние — русские преступления XVIII века. СПб.: Алетейя, 2022. С. 206–209.

8 Данное дело упоминается в книге: *Маррезе М.Л.* Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 125–126, 286, 288. Однако автор ошибочно утверждает, что содержащиеся в нем прошения Воейковой были адресованы Сенату и им же было вынесено окончательное решение по делу.

могло трактоваться как государственное преступление — посягательство на жизнь государя, оскорбление величества, заговор, бунт, измена или хотя бы «похищение государственного интереса», — в них нет. Однако на практике, в особенности в царствование Екатерины II, Тайная экспедиция Сената в полном соответствии со своим названием занималась не только политическими делами, связанными с угрозой государству, но и теми, суть которых, по мнению верховной власти, не должна была быть предана огласке, стать известной широкой публике, — в частности, касавшимися людей известных, с положением в обществе и системе государственного управления. В этом, с одной стороны, отразилось свойственное тому времени широкое понимание политического, а с другой — осознание императрицей значения общественного мнения и ее забота о репутации, причем в данном случае не столько своей собственной, сколько, как становится понятно из публикуемых документов, дворянской элиты и, следовательно, страны в целом.

Дело 2749 содержит историю скандала — далеко не уникального и, в сущности, довольно заурядного, — но нужно было по возможности постараться не сделать его публичным, тем более что в него оказались вовлечены высшие сановники империи. Можно предположить, что и сами участники семейной драмы также не желали широкой огласки. Во всяком случае, главная героиня — Александра Воейкова — говорит об этом прямо, всячески подчеркивая свое стремление соблюсти внешние приличия. В то же время, если бы в условиях публичности, к примеру, как в Англии того времени, об этом скандале стали бы писать газеты и вокруг него сформировалось общественное мнение, исход, возможно, был бы иным.

Особенностью российского делопроизводства XVIII в. было то, что, создавая документ, чиновник должен был воспроизвести или по крайней мере пересказать в нем содержание всех предшествующих документов. Это делалось для того, чтобы вышестоящий чиновник, которому предстояло вынести решение, получил полное представление обо всех этапах развития дела, но в результате объем документов значительно возрастал. Прошения же, или, как их по привычке продолжали называть, челобитные, с которыми россияне обращались к властям предержащим, составлялись в соответствии с установленным формуляром и, как правило, были достаточно краткими. Два прошения Александры Воейковой императрице Екатерине II, которыми открывается настоящая публикация и которые, собственно, и стали причиной появления на свет дела 2749, в этом отношении по-своему уникальны. Оба они написаны мелким, убористым почерком, первое — на 26, а второе — на 13 страницах. Именно из этих

многостраничных прошений мы и узнаем драматические обстоятельства жизни четы Воейковых и их семейного раздора.

Оказывается, в момент, казалось бы, столь романтического венчания в Казанском соборе на Красной площади в 1769 г. жених находился под следствием и арестом по делу о фальшивом векселе, составленном им от имени его матери двумя годами ранее. Криминальные наклонности жениха, судя по всему, не смутили ни юную невесту, ни ее присутствовавших на свадьбе родственников. Причем заметим, что Александра отнюдь не была бесприданницей, поскольку упоминает о принадлежавших ей лично бриллиантах и серебре. Арест Воейкова, по-видимому, носил сугубо формальный характер, раз он не только сыграл свадьбу, но и в тот же период своей жизни совершил ночное нападение на некую вдову майоршу Бурковскую, за что ему грозила чуть ли не смертная казнь. Приговор ему был вынесен лишь в 1775 г., когда он был разжалован в солдаты, но стараниями жены (по ее уверению) избавлен от смертной казни и ссылки, в которую отправился его сообщник. Вскоре после этого новую жалобу на сына, с обвинениями в мотовстве, на сей раз в Военную коллегию, подал отец Федора, но и тогда Александра якобы отмолила смягчение его участи — все закончилось отправкой в дальний гарнизон. После смерти свекра в 1777 г. ей также удалось возвратить мужу наследство умершей еще в 1771 г.[9] его матери. И, хотя в своих прошениях она упорно называет мужа «посредственным дворянином», он был, по-видимому, довольно состоятельным помещиком, владельцем дома в Москве и нескольких имений, приносивших 10 000 рублей годового дохода. Вероятно, заступничество не только жены, но и каких-то иных влиятельных родственников позволило Федору Воейкову довольно быстро вновь получить офицерский чин (уже в 1778 г., как мы видели, он был прапорщиком), дослужиться до поручика и в результате выйти в отставку в звании капитана.

Образ жизни отставного капитана мало изменился. Как пишет его жена, он по-прежнему предавался кутежам и изменял ей с дворовыми девками и женщинами, но она все это терпела, не желая огласки, потому что муж не влезал в долги и не тратил больше, чем имел, а также «ради детей». Действительно, через пять лет после рождения первой дочери Натальи в 1775 г. на свет появилась Анна, в 1778 г. — сын Александр, в 1780 г. — Павел, в 1781 г. — Иван. Спустя еще несколько лет родился шестой ребенок Воейковых — дочь Елизавета. Генеалогические источники называют датой ее

9 См.: http://www.rgfond.ru/person/41739. Судя по прошению А.И. Воейковой, после смерти жены А.М. Воейков женился вновь, однако сведения о его второй жене отсутствуют.

рождения 1787 г., но это очевидная ошибка, поскольку, как свидетельствуют публикуемые документы, супруги расстались уже в 1785 г. Вероятно, именно Елизавету имеет в виду Воейкова, упоминая в 1787 г. пятилетнюю дочь, и, значит, она родилась в 1782 г.

Причиной разрыва супругов явился роман Федора с вдовой княгиней Екатериной Несвицкой. Последняя, по уверению просительницы, стала тянуть из ее мужа деньги и настраивать его против жены. Воейков избивал жену, на несколько месяцев запер ее в доме, а сам отгородился от нее на другой его половине. Воейкова жаловалась на мужа его родственникам, которые сперва вызвались ее защитить, но затем встали на сторону Федора. Кульминация наступила летом 1787 г., когда Александра заподозрила мужа и его любовницу в заговоре на свою жизнь. В отсутствие Федора пьяные дворовые, возглавляемые дворецким, напали на нее, причем последний намекал, что получил от хозяина письмо со строгими указаниями относительно ее судьбы. Все это происходило в подмосковном имении, откуда чудом спасшаяся Воейкова бежала в Москву, где подала жалобу столичному главнокомандующему графу Я.А. Брюсу. Тот послал за дворецким московского полицмейстера П.П. Годеина, который сперва изъял у дворецкого письма Воейкова и задержал его, но затем отпустил, а письма вернул.

Вернувшийся в свое подмосковное имение Федор Воейков позвал жену назад, но она, сославшись на нездоровье, приехать отказалась, и тогда он велел забрать у нее находившихся с ней дочерей. Сменивший Брюса на посту главнокомандующего П.Д. Еропкин хоть и попытался примирить супругов, но расследовать дело официально отказался, ссылаясь на родство с Воейковым, и Сенат, куда Александра подала жалобу, поручил разбирательство рязанскому генерал-губернатору И.В. Гудовичу. Полная надежд Воейкова отправилась в Рязань, куда был вызван и ее муж вместе с детьми.

Гудович, как и другие вовлеченные в это дело сановники, считал его сугубо семейным и попытался решить соответствующим образом. Он устроил в собственном доме свидание Александры с детьми, которых в ее присутствии спрашивал, хотят ли они жить с отцом или матерью, и те дружно ответили (по утверждению Воейковой, из страха), что с отцом. Внешний вид детей произвел на генерал-губернатора благоприятное впечатление, и это, наряду с собранными им справками с положительными отзывами о Федоре, привело его к выводу о несостоятельности жалоб Александры, утверждавшей, что муж проматывает имение, лишая наследства собственных детей. Воейковой Гудович предложил разбираться с мужем

в совестном суде, но та отказалась, считая дело не гражданским, а уголовным. Гудович между тем сообщил свое мнение Сенату, а недовольная его действиями Александра прислала ему резкое письмо, которое генерал-губернатор счел оскорбительным и пожаловался в Сенат.

Следующий этап разворачивавшейся драмы был связан с попытками Александры Воейковой найти помощников, чьи связи и влияние можно было бы противопоставить связям и влиянию покровителей мужа, и с их помощью воздействовать на решение Сената. Когда это не получилось — Сенат отказал, посоветовав ей обращаться в совестный и духовный суд, — Воейкова стала искать помощников, которые могли бы поспособствовать подаче прошения на высочайшее имя. При этом предложившие ей свои услуги банковский служащий И.Н. Рубан и подполковник И.А. Глебов, которых она характеризует как фаворитов всесильного А.А. Безбородко, запросили такие огромные деньги, каких у Воейковой не было. Кабинет-секретарь императрицы А.В. Храповицкий всячески уклонялся от приема прошения, и все же с помощью неназванного доброжелателя Воейковой удалось добиться своего, и ее прошения попали к Екатерине II.

Развязка

На что рассчитывала Александра Воейкова? Неужели действительно верила, что императрица потратит несколько часов своего времени на чтение столь подробного и многословного рассказа о ее семейных несчастьях и проникнется жалостью и сочувствием? Оправдались ли эти надежды, прочитала ли Екатерина II прошения Воейковой, только подержала в руках, наскоро пробежав глазами, или, может быть, кто-то из ее кабинет-секретарей пересказал императрице их содержание, мы не знаем. Но можно предположить, что сам объем документов мог вызвать раздражение и у Екатерины, и у докладывавшего о них секретаря и этим, по крайней мере отчасти, был обусловлен исход дела.

Как часто происходило в подобных случаях, разобраться с конфликтом в семье отставного капитана и средней руки помещика было поручено действительному тайному советнику, генерал-поручику, кавалеру высших орденов Российской империи, генерал-прокурору Правительствующего Сената князю А.А. Вяземскому. Вступившему в эту должность еще в 1764 г. и уже четверть века руководившему заодно и Тайной экспедицией, исполнительному и усердному служаке, Вяземскому наверняка не впервые предстояло копаться в грязном белье русской аристократии, и он,

если верить публикуемым документам, блистательно справился с поставленной задачей едва ли не за один день. Во всяком случае, публикуемые допрос Воейковой в Тайной экспедиции и решивший ее судьбу приказ генерал-прокурора имеют одну и ту же дату — 17 апреля 1789 г.

Все обвинения Александры Игнатьевны в адрес мужа и разных должностных лиц были признаны безосновательными, в ее просьбах отдать имение мужа в опеку и вернуть ей детей отказано, а сама она обвинена в корыстолюбивом стремлении завладеть имуществом супруга и противозаконной подаче на имя императрицы прошений, полных ругательных слов и неприличных выражений. Быстрота, с которой в этом деле была поставлена точка, наводит на мысль, что вердикт был вынесен заранее и короткий допрос Воейковой был проведен лишь для соблюдения формальной процедуры. Даже очевидные свидетельства о вымогательстве у нее взятки — причем, используя современное выражение, взятки в особо крупном размере — не стали предметом дальнейшего расследования. Нет оснований думать, что у Вяземского было какое-то предубеждение против Воейковой. Скорее, он понимал, какого решения ожидает от него императрица.

По приговору Вяземского, на котором Екатерина II собственноручно начертала: «быть по сему», Александре Игнатьевне Воейковой было велено безвыездно и без права въезда в обе столицы жить в Рязани, куда муж должен был ежегодно переводить 500 рублей на ее содержание. Правда, при этом московскому главнокомандующему П.Д. Еропкину предлагалось склонить супругов к примирению, но попытка эта успеха не имела. Федор Воейков заявил, что ненависти к супруге не питает, но его здоровье не позволяет ему воссоединиться со столь беспокойной женщиной. Александра не унималась и в письме к Вяземскому, также имеющемся в публикуемом деле, пыталась доказать, что Еропкин отнесся к данному ему поручению сугубо формально. По-видимому, письмо это осталось без ответа, как и другое письмо Воейковой, адресованное секретарю Тайной экспедиции С.И. Шешковскому.

Финал: занавес опускается

Итак, в апреле 1789 г. по монаршей воле судьба Александры Игнатьевны Воейковой была решена. Все ее надежды на справедливое правосудие рухнули, и теперь ей, отвергнутой жене, разлученной с детьми, предстояло коротать век в провинции, довольствуясь выделяемым ей мужем скромным содержанием, и жить в постоянном страхе, что муж вконец разорится и

этот скромный источник средств тоже иссякнет. Но жизнь часто преподносит неожиданные сюрпризы. Согласно «Историческому родословию благородных дворян Воейковых», Федор Александрович Воейков, на чье слабое здоровье столь настойчиво указывала в своих прошениях его супруга, скончался уже в следующем, 1790 г.[10] Еще через шесть лет умерла императрица Екатерина II, и в самом конце 1796 г. по распоряжению Павла I Воейкова была из ссылки освобождена.

После смерти мужа как вдова Александра Игнатьевна должна была по закону получить седьмую часть имения покойного, которая переходила ей в собственность. Мешало ли сколько-нибудь этому ее положение фактически ссыльной? По-видимому, нет, ведь формально она не была осуждена за какое-либо преступление, не была лишена прав дворянства, но, по сути, подверглась царской опале, выразившейся лишь в ограничении права передвижения. Никакие другие ее права, в том числе супружеские, ограничены не были.

Седьмая часть наследства, конечно, не сделала Воейкову богатой вдовой, но, скорее всего, избавила от страха вовсе лишиться средств к существованию. Впрочем, если верить публикуемым документам, несмотря на все ее сетования, совсем уж нищей она не была, владела домом в Москве и подмосковной «деревнишкой». Так или иначе, но это был не единственный поворот, случившийся в ее судьбе в эти годы. Вдовой она пробыла, видимо, недолго и снова вышла замуж.

Новым мужем Александры Игнатьевны стал Александр Сергеевич Сенявин — человек, о котором известно немного, но все, что известно, заслуживает внимания. Во-первых, он был сыном генерал-поручика Сергея Наумовича, внуком петровского вице-адмирала Наума Акимовича и племянником адмирала Алексея Наумовича Сенявиных. Его мать Наталья Александровна, урожденная Нарышкина, приходилась троюродной сестрой императрице Елизавете Петровне и ее старшей сестре Анне. Сам Александр Сергеевич был, таким образом, кузеном императора Петра III, и, значит, Александра Воейкова фактически породнилась с царской семьей. Причем родство это было двойным, поскольку двоюродная сестра ее второго мужа, дочь адмирала Сенявина Мария, была замужем за сыном обер-шталмейстера двора Льва Александровича Нарышкина. Во-вторых, минимальные сведения об А.С. Сенявине удалось найти лишь на двух генеалогических порталах, на одном из которых он обозначен просто

10 *Воейков Ю.* Историческое родословие благородных дворян Воейковых. М., 1792. С. 37.

как «офицер»[11], а на другом как «генерал-майор»[12]. Однако в списках генералов российской императорской армии его имени нет и, скорее всего, до генеральского звания он все же не дослужился. В-третьих, известна дата рождения А.С. Сенявина — 1753 г. Как упомянуто выше, первый муж Воейковой родился то ли в 1747, то ли в 1748 г., соответственно, во время их венчания ему было 21–22 года. Дата рождения самой Александры Игнатьевны неизвестна, но вряд ли она была старше Федора, скорее младше. В письме С.И. Шешковскому, написанном в 1789 г., она упоминает, что ей исполнилось сорок лет, значит, она родилась не позже 1749 г. Таким образом, ее второй муж если и был моложе ее, то незначительно. К концу XVIII столетия им обоим было под пятьдесят. Конечно, нельзя исключать неожиданно вспыхнувшего взаимного чувства, но вероятнее, это был брак по расчету. Впрочем, скорее по расчету нематериального свойства. Овдовевшая Воейкова, естественно, нуждалась в опоре. У Сенявина же это был первый брак. Мы не знаем, почему он так долго оставался холостяком, но ко времени, когда он встретил Александру Игнатьевну, он, по-видимому, вышел в отставку и не хотел провести остаток жизни в одиночестве. О том, насколько удачным оказался этот супружеский союз и сколько он продлился, к сожалению, неизвестно. Уже цитировавшийся генеалогический портал лишь сообщает, что Сенявин умер не ранее 1800 г.

Ну, а как сложились судьбы детей Воейковых? Старшая дочь Наталья еще в 1788 г. была выдана отцом замуж за Михаила Алексеевича Дурново, который в 1792 г. имел чин капитана. В феврале 1789 г. у этой пары родился первенец — сын Алексей, впоследствии женившийся на старшей сестре А.С. Грибоедова Марии. Два года спустя у четы Дурново родился второй сын, Михаил. Вторая дочь Воейковых Анна вышла замуж за Якова Ивановича Полонского. Детей в этом браке, видимо, не было; в 1816 г. Анна умерла, и позднее Полонский женился вторично. Жену родившегося в 1780 г. Павла Воейкова звали Авдотья Николаевна, ее девичья фамилия была предположительно Субочева, и в этом браке родилось несколько детей.

Младший сын Воейковых Иван был женат на Варваре Дмитриевне Мертваго, которая, если верить генеалогическим данным, была моложе его на 30 лет и родила двоих сыновей. Она умерла в 1848 г. в возрасте 36 лет, лишь на год пережив мужа. Старший сын, член-корреспондент Императорской Академии наук Александр Иванович Воейков (1842–1916),

[11] https://www.geni.com/people.
[12] http://www.rgfond.ru/person/86202.

считается основоположником российской климатологии. Еще более знаменит младший — Дмитрий Иванович (1843–1896). Предводитель дворянства Сызранского уезда, председатель самарского Дворянского банка и какое-то время управляющий делами Министерства внутренних дел, он более всего прославился как основатель российской асфальтовой промышленности. Асфальтом, произведенным на его заводе в с. Батраки Сызранского уезда[13], покрывали мостовые Москвы и Петербурга, и в 1878 г. асфальт с клеймом «братья Воейковы» получил медаль на всемирной выставке в Париже. Небезынтересно также, что в 1872 г. Дмитрий Воейков организовал уездный съезд учителей, а его основным помощником в этом мероприятии был не кто иной, как И.Н. Ульянов. Вряд ли кто-то мог предположить, как скажется на судьбах потомков Воейковых роль, которую сыграл в истории России на тот момент двухлетний сын Ульянова Владимир, но сведения об этом можно почерпнуть из публикаций писем значительно пережившей Дмитрия Ивановича Воейкова его жены Ольги Александровны Толстой-Воейковой, изданных их правнучкой, известным французским литератором, профессором Сорбонны и автором книг о России Вероникой Жобер[14]. Другой источник — воспоминания их внучки, известной писательницы Н.И. Ильиной[15].

О самой младшей дочери Федора и Александры Воейковых Елизавете известно, что она была замужем за каширским помещиком Никанором Ивановичем Челищевым. Сведения об их потомстве отсутствуют. Зато гораздо больше мы знаем о старшем сыне главных героев этой публикации — Александре Федоровиче, причем не только о его литературной деятельности, но и человеческих качествах. Получив образование в пансионе Московского университета, о котором его мать в своем прошении Екатерине II отзывалась как о «преподлом» и где, по ее словам, его постоянно мучили и секли, он затем несколько лет был на военной службе — сперва в лейб-гвардии Конном полку, где когда-то служил его отец, а затем в Екатеринославском кирасирском. В 1806–1807 гг. он командовал рязанской милицией, а в 1812 г. вступил в ополчение и состоял при рязанском гражданском губернаторе, будучи, по-видимому, рязанским помещиком и, как старший сын, унаследовав там часть отцовского имения. В 1814–1820 гг. преподавал в Дерптском университете, но, по утверждению его биографа

13 Ныне в черте г. Сызрань.

14 Русская семья в водовороте «великого перелома». Письма О.А. Толстой-Воейковой 1927–1929 гг. СПб.: Нестор-История, 2005; Русская семья «Dans la tourmente dechainee…». Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1927–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2009.

15 *Ильина Н.И.* Возвращение. Кн. 1, 2. М.: Советский писатель, 1957, 1966.

А.М. Пескова, «профессорская карьера Воейкова не сложилась: против людей, которых он не любил, Воейков действовал, не раздумывая над средствами их дискредитации (используя в т.ч. и доносы), что вызвало резкую неприязнь к нему со стороны университетских коллег»[16]. Далеко не однозначной была и его репутация в литературных кругах. С одной стороны, Александр Федорович умело поддерживал и использовал себе на пользу отношения с наиболее известными поэтами и литераторами своего времени, с другой — отличался «крайней неразборчивостью в средствах ведения полемики, доходившей до прямых доносов»; его отличала «любовь к мистификациям, склонность к лукавому юродству и хитрости»[17]. В 1814 г. Воейков женился на Александре Андреевне Протасовой, воспетой В.А. Жуковским в балладе «Светлана», прожил с ней 14 лет до ее смерти и имел от нее трех дочерей и сына, но склонность к спиртному, а также «неуравновешенный характер и привычка не сдерживать себя перед слабейшим коверкали жизнь домашним»[18]. Через 10 лет после смерти жены Александр Федорович женился вторично — на мещанке Александре Васильевне Деулиной[19], с которой у него была многолетняя связь и внебрачные дети. Остается только гадать, унаследовал ли А.Ф. Воейков неуравновешенность и другие не слишком приятные черты характера от отца, явились ли они следствием не самого счастливого детства или были приобретенными[20].

В истории потомства Федора и Александры Воейковых есть одна загадка: некоторые генеалоги, начиная с их родственника Ювеналия Воейкова, приписывают им еще одну дочь — Екатерину, в замужестве Елагину, якобы родившуюся в 1788 г. Однако, скорее всего, это ошибка, ведь Александра Игнатьевна в своих прошениях настойчиво говорит о шести детях, да и вряд ли еще один ребенок мог появиться в самый разгар семейного конфликта, когда супруги уже три года жили отдельно. Разве что это была дочь их разлучницы Екатерины Несвицкой.

16 *Песков А.М.* Воейков Александр Федорович // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Т. 1 А-Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 456–458.

17 Там же.

18 Там же.

19 Предоставим поклонникам З. Фрейда поразмышлять о том, было ли случайностью, что обеих жен Александра Воейкова звали Александрами, как и его мать, с которой он был разлучен в детстве.

20 Стоит заметить, что и его дед Александр Матвеевич, судя по всему, не отличался благонравием. Известен случай, когда вместе со своим родственником Л.А. Пушкиным он в 1754 г. избил учителя-иностранца, учившего детей Пушкина, причем разбиравший это дело суд установил, что основным виновником был именно Воейков.

За кулисами

Независимо от того, в какой степени соответствовали действительности содержащиеся в прошениях Воейковой сведения, сами они уникальны не только своим объемом, но и языком, лексическим богатством, стилистическими и риторическими приемами. Используемая при этом аргументация — просительница взывает к дворянской чести, благопристойности, долгу по отношению к детям, святости брака, родительским чувствам — примечательна с точки зрения системы ценностей российского дворянства в конце столетия. Не менее интересны и подкрепленные многочисленными ссылками на законодательные акты апелляции к законности, правосудию, демонстрирующие правосознание автора прошений. Наконец, как уже упоминалось, прошения Воейковой приоткрывают завесу над механизмами принятия решений, патрон-клиентскими связями и — более широко — над взаимоотношениями в дворянской среде екатерининской России.

При первом знакомстве с прошениями Воейковой возникает вопрос, писала ли она их сама, продиктовала или заплатила кому-то, кто облек в такую форму рассказ о ее злоключениях. Однако в конце второго прошения Воейкова утверждает, что написала прошения сама, поскольку никто не хотел браться за эту работу, да и заплатить ей было нечем. Действительно, если бы прошения составлял опытный чиновник, он конечно же сделал бы их более краткими и стройными, не допустив многочисленных повторов и отступлений. Как упоминает сама Воейкова, кабинет-секретарь императрицы А.В. Храповицкий предлагал ей свести свое обращение на высочайшее имя лишь к жалобе на последнее решение Сената, что вполне соответствовало установленному порядку. Однако просительница, хоть и сократила первоначальный текст вдвое, все же сочла необходимым вновь рассказать всю историю с самого начала. Скорее всего, кто-то Воейковой все же помогал, хотя бы в подборе многочисленных законодательных актов, на которые она ссылается и даже цитирует. Возможно, это был один из ее братьев, имевших опыт работы в судебных учреждениях. Но главным автором была все же она сама. Ее авторство подтверждается и акцентом на судьбе не просто одного из обиженных подданных, но именно женщины, матери, что, вероятно, по ее мнению, должно было подействовать на императрицу. Впрочем, образ «слабого пола» присутствует и в ее письме С.И. Шешковскому, где она пишет, что не всякий мужчина вынес бы страдания, выпавшие на ее долю.

Объем прошений Воейковой, как уже сказано, обусловлен прежде всего бесконечными и на первый взгляд совершенно излишними повторами

одних и тех же аргументов, рассуждений, патетических восклицаний и эпизодов. Может показаться, что все это — излитый на бумагу своего рода путаный поток сознания. Однако при внимательном чтении в прошениях обнаруживается определенная логика. Рисуемая Воейковой картина постепенно, медленно пополняется все новыми деталями. Так, к примеру, упомянув в самом начале первого прошения, что отец ее мужа жаловался на сына в Военную коллегию, она снова и снова использует этот факт в качестве доказательства своей правоты и вдруг добавляет, что и у нее самой есть письмо от свекра с подобными обвинениями. Назвав в первых строчках своего прошения имя главной виновницы всех своих несчастий — любовницы мужа княгини Несвицкой, чья алчность якобы довела его до разорения, — и вновь и вновь повторяя это ненавистное имя едва ли не в каждом предложении, она лишь через несколько страниц упоминает о бедственном материальном положении княгини до знакомства с Воейковым, ссылаясь при этом на информацию Государственного заемного банка. Неожиданно в тексте прошения появляется имя бывшего генерал-прокурора А.И. Глебова, причем просительница проявляет осведомленность не только о его опале, но и о родственных связях. Далеко не на первой странице Воейкова сообщает, что консультировалась по своему делу в Святейшем Синоде.

Интересны и используемые ею лексические приемы. Так, упомянув, что муж обвинил ее в том, что она затеяла с ним тяжбу вопреки «гласу природы», она затем берет это выражение на вооружение и несколько раз использует его в качестве аргумента в свою пользу, подчеркивая тем самым ничтожность доводов мужа. О московском главнокомандующем П.Д. Еропкине, из-за родства с Федором Воейковым отказавшемся расследовать ее дело, она, несмотря на это, неизменно отзывается уважительно и всякий раз называет его по имени-отчеству, а рязанского генерал-губернатора И.В. Гудовича, которого откровенно считает своим врагом, по имени не называет ни разу[21]. Вместе с тем в пространных текстах прошений почти отсутствует лексика религиозного характера и какие-либо цитаты или отсылки к Священному Писанию. Воейкова апеллирует исключительно к гражданским законам. Напротив, в письмах к Вяземскому и Шешковскому, написанных уже после вынесения ей приговора, мы находим многочисленные призывы к христианскому милосердию и признание собственных прегрешений.

[21] Интересно сравнить отношение Воейковой к Еропкину и Гудовичу с их характеристиками в книге М.И. Пыляева «Старая Москва». В то время как Еропкин «был очень умен, великодушен, благороден и, как немногие, в обхождении очень прост», Гудович «был нрава горячего, правил строгих, любил правду и очень преследовал порочных» *(Пыляев М.И.* Старая Москва. М.: Сварог, 1995. С. 38, 156).

Не менее интересны и документы дела 2749, в совокупности позволяющие, как уже сказано, реконструировать механизм принятия решений и формы коммуникации по подобным делам в России последней четверти XVIII столетия. Окружавшие Воейкову люди были связаны между собой множеством формальных и неформальных связей — родственных, служебных и просто приятельских, которые образовывали плотную сеть, соединявшую воедино дворянскую элиту России второй половины XVIII в. Постоянный обмен разного рода услугами, по сути, являлся одним из средств поддержания стабильности данного социального слоя. Отвергнутая мужем Воейкова, с одной стороны, оказывается как бы выпавшей из этой сети, и тогда в действие вступают сугубо денежные отношения. Причем публикуемое письмо родственника Несвицкой В.П. Чагина И.А. Глебову показывает, что в окружении А.А. Безбородко действительно существовала налаженная система извлечения материальной выгоды от близости к влиятельному вельможе. И скорее всего Безбородко был в этом отношении далеко не одинок. С другой стороны, есть основания полагать, что в деле Воейковых были и иные, не названные участники, которые, в частности, информировали Александру Игнатьевну обо всех его поворотах. Так, просительница проявляет удивительную осведомленность и о содержании прошения, которое ее супруг подал в Сенат, и о содержании направленного туда же письма Гудовича, и о финансовых делах мужа, с которым уже несколько лет живет в разлуке, и о судьбе дворового, отданного им в качестве платы за оказание протекции. И даже уже находясь в Рязани, она узнает о том, как именно выполнил данное ему поручение П.Д. Еропкин.

Небезынтересно также сопоставить аргументацию прошений Воейковой и решившего ее судьбу приказа А.А. Вяземского. В первом случае перед нами предстает лишенная дома женщина, гонимая, отвергнутая, страдающая от обид, клеветы, притеснений, разлуки с детьми; она апеллирует к женским ценностям, но при этом спасение ищет в правосудии, причем в правосудии гражданском: доказывает свою правоту ссылками на законы и требует формального суда. Вяземский же в своем приказе утверждает, что законы она толкует неверно, неправильно их понимает. Оказывается, Воейкова ошибочно считала, что гражданские законы одинаково распространяются на мужчин и женщин. В действительности же как жена она была не вправе требовать установления опеки над имениями мужа, чтобы законным порядком предотвратить их разбазаривание и тем самым защитить себя и своих детей от грозящей им, по ее уверениям, нищеты. На измену мужа она может жаловаться лишь духовным властям и в лучшем случае добиться порицания и увещевания супруга. Не

подлежит уголовному преследованию и то, что в наше время называется домашним насилием. Особенно примечателен аргумент Вяземского, что Александра Игнатьевна якобы пыталась присвоить себе по отношению к мужу неподобающую роль матери, а не жены, то есть фактически отступила от той гендерной роли, которая уготована ей в обществе. В письме же к Еропкину генерал-прокурор прямо обвиняет Воейкову в незнании «правил добронравия и скромности, пристойной полу ее». Иначе говоря, постоянно подчеркивая свою роль матери и жены, просительница одновременно претендует на равные права с мужчинами, и формально она права, ведь законодательные акты, на которые она ссылается, не делают различения по полу. Но такое толкование закона входит в противоречие с устройством общества, с традиционными представлениями о роли в нем женщины и с тем, что общество мужчин от нее ожидает. Показательно, что в прошениях Воейковой мы практически не встречаем женских имен. Ее история — это история борьбы женщины с миром мужчин. В определенном смысле можно сказать, что своим поведением, своей позицией, скорее всего сама того не сознавая, она бросила вызов сложившемуся порядку и именно за это была наказана. Собственно, ничего неожиданного для историка, занимающегося русским XVIII столетием, в этом нет, но публикуемые документы, как представляется, служат яркой иллюстрацией к гендерному устройству общества этого времени.

Многостраничные прошения, ссылки на законы, претензия на равные права с мужчинами — все это само по себе, несомненно, раздражало высокопоставленных сановников, с которыми сталкивалась Воейкова в своей борьбе за, как она считала, справедливость. Но не менее, вероятно, раздражали их ее настойчивость, неугомонность, готовность идти до конца, создавшие ей репутацию «беспокойной женщины» и также, по-видимому, не соответствовавшие их представлениям о том, как должна вести себя женщина благопристойная. Описывая свои страдания, угрожая самоубийством, она одновременно агрессивно нападает на своих противников, действительно не стесняясь в выражениях и не особенно выбирая эпитеты. Казалось бы, перед нами отстаивающая свои права и человеческое достоинство эмансипированная женщина, своей активной жизненной позицией опередившая время. Но в действительности ее система ценностей может быть понята только в контексте эпохи. Своего мужа она характеризует как абсолютно конченого развратного человека, разбитого параличом горького пьяницу, но разводиться с ним она ни в коем случае не желает и несколько раз повторяет, что не хочет быть «разводной» женой, то есть расценивает это как нечто постыдное. Столь же неприличным она считает и положение

содержанки, живущей на выделяемые ей мужем деньги. Несмотря ни на что она хочет воссоединиться с ним, а в Тайной экспедиции (возможно, от растерянности и испуга) говорит, что даже согласна, чтобы вместе с ними жила его любовница. О связях мужа с дворовыми девками, в отличие от всех других его прегрешений, Воейкова упоминает лишь единожды и как бы мельком, очевидно относясь к этому как к чему-то хоть и неприятному, но неизбежному. А ведь законодательство того времени за подобные действия грозило помещикам карами, и вроде можно было бы за это уцепиться и использовать для характеристики мужа как уголовного преступника. Но Александра Игнатьевна, видимо, знала, что данное явление было весьма заурядным и на практике власти наказывали за это крайне редко.

Обращает на себя внимание и то, как Воейкова интерпретирует понятие «любовь». С одной стороны, она постоянно повторяет, что, несмотря ни на что, продолжает любить мужа, который, в свою очередь, «ослеплен» любовью к Несвицкой. Последняя же, по ее мнению, напротив, Воейкова не любит, а движима лишь корыстью. Во втором прошении, рассуждая о том, что муж ее разлюбил, Александра Игнатьевна замечает, что «любви нихто ни от кого сильно себе не присвоивает», то есть заставить любить нельзя, но это, по ее мнению, не является оправданием для нарушения святости супружеского и родительского долга. Подобная интерпретация любви — еще одно свидетельство трансформации, которую претерпело это понятие к концу XVIII в.[22]

Как уже сказано, Воейкова была сослана в Рязань не как приговоренная судом преступница, но как человек, нарушивший правила приличия и благопристойности, назойливая просительница, осмелившаяся утрудить монаршую особу своими безосновательными обращениями. И если сама она, доказывая свою правоту, ссылалась на многочисленные законодательные акты, то в приговоре, вынесенном ей генерал-прокурором, ни одной ссылки на какой-либо закон, на основании которого он вынес свое решение, нет. Не случайно и документ, подписанный Вяземским, назывался «приказ», а не «приговор». Это была царская опала, подвергнуться которой мог только человек из высшего слоя русского общества того времени, своего рода отеческое (в данном случае материнское) наказание. Само явление опалы известно по меньшей мере с XVI в., но его формы, характерные для XVIII столетия, заслуживают специального изучения. Как носившая внесудебный характер опала сочеталась с настойчивым утверждением Екатериной II законности и правосудия? Как ощущал себя русский дворянин

[22] См.: *Каменский А.Б.* Любовь, страсть и отчаяние. С. 188–205.

XVIII в., навлекший на себя царский гнев?[23] Каков был статус опального? Примечательно, к примеру, что в инструкции, данной курьеру, который должен был доставить Воейкову в Рязань, Вяземский проявил заботу о ее здоровье и комфортных условиях путешествия и озаботился и тем, чтобы она сразу получила средства к существованию. Находившийся в опале и фигурирующий в публикуемых документах А.И. Глебов, на чьи имения был наложен секвестр и которому было запрещено приезжать ко двору, подписал аттестат Ф.А. Воейкова, и Сенат его принял; а сосланному по высочайшему повелению в 1775 г. в монастырь П.Ф. Апраксину за казенный счет покупали новые рубашки и следили за его здоровьем[24]. Иначе говоря, в отличие от осужденного преступника, человек, оказавшийся в опале, не лишается гражданских прав и не исключается из общества, он лишь ограничен в определенных действиях. Он несет наказание, обусловленное, с одной стороны, его привилегированным положением, а с другой — зависимостью от монаршей воли, едва ли не большей, чем у рядового подданного, стоящего много ниже на ступенях социальной лестницы.

Внимательно читая публикуемые документы, можно обнаружить в обращениях Воейковой к властям предержащим некоторые противоречия и определенное лукавство. Так, в письме, основная цель которого — добиться разрешения жить в Москве, к Шешковскому Воейкова пишет, что могла бы жить там со старшей дочерью и зятем, а в письме к Вяземскому характеризует этого же зятя как распутного человека и само замужество дочери описывает как несчастье. Оба письма различаются и по тону, и по тому, как она обращается к своим адресатам, и это показывает, что вышедшие из-под пера Александры Воейковой тексты при всей их запутанности и многословности конечно же не были простодушным потоком сознания, но были вполне продуманы и расчетливы.

В целом публикуемые документы дела 2749 являются ценнейшим источником для продолжения изучения проблем, впервые обозначенных более двадцати лет назад в книге М. Маррезе «Бабье царство», — о положении русской женщины второй половины XVIII в., ее способности отстаивать свои права, агентности, использовании сетей патронажа и др. Вчитываясь в эти документы, мы как бы погружаемся в атмосферу жизни русского дворянства последней четверти XVIII в. с ее эмоциями, взаимоотношениями и миросознанием людей этого времени.

[23] Некоторые соображения по этому поводу см.: *Каменский А.Б.* Чрезвычайное происшествие в Москве 1750 года // Человек архивный. Сборник статей к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности. М.: Древлехранилище, 2021. С. 334–336.

[24] См.: *Каменский А.Б.* Любовь, страсть и отчаяние. С. 353–369.

С30 **Семейная драма XVIII столетия**: Дело Александры Воейковой [Текст] / авт. науч. ст., сост. и науч. ред. А. Б. Каменский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 176 с. — (Новые источники по истории России = Rossica Inedita). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4175-3 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4244-6 (e-book).

В очередной книге серии «Новые источники по истории России» публикуются документы следственного дела Александры Игнатьевны Воейковой, отражающие особенности устройства русской аристократической среды второй половины XVIII в., взаимодействия этой среды с верховной властью, характера внутрисемейных и родственных отношений, патрон-клиентских связей в высших слоях бюрократии, представлений о правосудии и месте женщины в обществе. Издание включает прошения Воейковой на имя императрицы Екатерины II и связанную с ними переписку высших должностных лиц.

Книга адресована историкам, культурологам, филологам, а также широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 63.2

18th Century Family Tragedy: The Case of Alexandra Voeikova / edited and with an introduction by A. B. Kamenskii; HSE University. — Moscow: HSE Publishing House, 2025. — 176 pp. — (New sources on the history of Russia = Rossica Inedita). — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-4175-3 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-4244-6 (e-book).

The next book in the series "New sources on the history of Russia" includes documents from the investigation file of Alexandra Voeikova, reflecting specific traits of the composition of the Russian aristocratic community of the second half of the 18th century, the interaction of this community with the supreme power, the nature of intra-family and kinship relations, patron-client ties in the upper echelons of Russian bureaucracy, ideas about justice and the place of women in society. The publication includes Voeikova's petitions to Empress Catherine II and the related correspondence of senior officials.

The book is addressed to historians, cultural scientists, philologists, as well as a wide range of readers.